

— Лично приди и проверь.

Голос Янь Бэйсюаня не был громким, в нём даже сквозила игривая, хрипловатая нотка.

Но эти четыре слова прозвучали словно раскалённый железный прут, безжалостно прижгший барабанные перепонки Ци Цинцы.

Бах!

Все звуки в его мире разом исчезли, остался лишь собственный — подобный боевому барабану — пульс, что удар за ударом тяжело бился о холодные латы.

Он услышал!

Этот живой Яма по имени Янь Бэйсюань и вправду способен расслышать, кто тут втайне мысленно поливает его грязь?

Да что это такое? Бессмертный бог? Или нечисть какая-то?!

Система! Ты, поганый мошенник! А ну вылазь!

Где обещанная сквозная шифрованная связь один на один?! Теперь покупатель может точно определить, кто продавец, это же коммерческое мошенничество! Я хочу сделать возврат! Я пойду жаловаться в Управление небесного пути!

Ци Цинцы безумно ревел про себя, его голос едва ли не срывался на фальцет.

Конец! Полный капец! Гроб можно даже не выбирать — эта жестянке станет моим лучшим пристанищем!

Ещё и лично приди и проверить? Проверь себя по полной, чёрт тебя побери!

Остаточное тепло от той большой ладони, что лежала у него на затылке, сейчас обжигало кожу так сильно, будто в следующее мгновение те длинные пальцы безжалостно свернут ему шею.

Пойти с тобой на драконье ложе проверять? Проверять что? Проверяться, не уписался ли я прошлой ночью в постель?!

Да я чистокровный мужик, стоящий на ногах во весь рост! Если мы с тобой начнем туда-сюда проверяться на кровати, то останется ли хоть капля лица у моего старца-брата? Останется ли хоть какое-то лицо у моего клана Ци?!

В таком случае наши с ним кости пеплом развеют в Императорском саду в качестве удобрения для цветов!

Ци Цинцы уже понял, что Янь Бэйсюань способен слышать его мысленные тирады, но успокоиться он был совершенно не в силах — в его душе отчаянно и пронзительно визжала тысяча сусликов.

Однако его тело, эта оболочка, окутанная слоями ореола старшего брата и боевой славы божественного полководца, всё ещё сохраняло последние приличия.

Пальцы Янь Бэйсюаня по-прежнему касались кожи на затылке Ци Цинцы.

Под подушечками пальцев хрупкий пульс безумно бился с частотой, близкой к полному коллапсу, отчетливо передавая хозяину весь его страх.

Интересно.

Как же это чертовски интересно.

В глубоких, похожих на птичьи зрачки глазах Янь Бэйсюаня разливался всё более густой интерес.

Он-то думал, что Ци Цинюэ — всего лишь способный вести победоносные войны юный генерал, но никак не ожидал, что под доспехами скрывается столь живая и забавная душа.

Тело Ци Цинцы, спрятанное под широкими доспехами, уже неконтролируемо мелко дрожало.

Холодный пот давно насквозь пропитал нижние одежды, липкая ткань плотно прилегала к внутренней стороне ледяных лат, вызывая глубоко проникающие в кости волны холода.

Его последние крохи рассудка безумно вопили: нельзя признаваться! Ни за что не признаваться, даже под страхом смерти!

Признаться — значит совершить преступление против императора!

Это такое тягчайшее преступление, за которое вытащить во двор и срубить голову на месте — ещё мягкое наказание!

Тогда погибнет не он один, гибели не миновать всему клану Ци!

Ци Цинцы заставил себя выровнять дыхание, позволяя ледяному воздуху хлынуть в раскалённые внутренности, пытаясь подавить тот ужас, что едва не рвался наружу через горло.

Сейчас он не Ци Цинцы, он — бог войны Великого Янь, Ци Цинюэ!

Тот самый муж, у которого даже при обрушении горы Тайшань не дрогнет лицо!

Ци Цинцы медленно заставил онемевшие ноги двигаться, согнул колени и тяжело опустился на одно колено.

— Цряк!

Ледяные пластины доспехов яростно столкнулись с твёрдым золотым кирпичом, издав глухой грохот, который заставил замереть весь главный зал.

Острая боль в колене придала ему бодрости духа и помогла вернуть хоть капельку самообладания.

Он намеренно понизил голос, подражая хрипотце и солидности старшего брата, и каждое слово словно выдавливал сквозь зубы.

— Ваше Величество, этот подданный... туп и неразумен, я не понимаю, о чём говорит Ваше Величество.

Прикинуться дурачком.

Упираться до конца.

Это его единственный путь к спасению.

Янь Бэйсюань опустил взгляд на упрямый затылок перед собой и едва не рассмеялся в голос.

Ему ещё не доводилось встречать столь двоякого человека.

Явно перепуганный до такой степени, что душа вот-вот вылетит из тела, и мысленно кроющий всех самыми изощрёнными ругательствами, он при этом умудрялся принимать такой вид, будто он — преданный слуга, павший жертвой несправедливого обвинения.

Словно загнанный в угол котёнок, который бесполезно выпускает свои совершенно лишённые смертоносности розовые мягкие подушечки на лапках, искренне считая себя невероятно свирепым.

Играет мастерски.

Если бы не продолжающееся вещание в его ушах тех полных отчаяния внутренних воплей, которые вот-вот сорвутся в плач, он бы почти поверил.

А окружающие гражданские чиновники и военачальники уже были настолько ошеломлены этой странной и предельно интимной сценой, что не смели даже вздохнуть полной грудью.

Его Величество... тот самый страдающий брезгливостью император, который не подпускал живые существа ближе чем на три чи, лично сошёл с императорского возвышения и интимно шепчет что-то на ухо генералу Ци!

И рука... рука так дерзко гладит его по шее!

Если же припомнить только что прозвучавшие бессвязные фразы про «поворот во сне» и «драконье ложе»...

Мысль, способная перевернуть вверх дном весь императорский двор, одновременно взорвалась в головах всех сановников:

У Его Величества и генерала Ци... вот такие отношения?!

Многие чиновники осознали это, и атмосфера в главном зале мгновенно стала донельзя странной.

Под их опущенными головами взгляды бешено перекрещивались, а огонь сплетен уже

разгорался в бушующее пламя!

Конец, полный конец! Моя безупречная репутация! Безупречная репутация моего брата! Всё уничтожено этой толпой любителей домысливать! Моя чистая репутация загублена!

Ци Цинцы тоже заметил переглядывания министров и готов был рыдать без слёз.

Янь Бэйсюань впитал в себя всё это зрелище, прислушиваясь к безумным воплям его души, а затем окинул взглядом стоящих внизу чиновников, чьи лица застыли в искривлённых гримасах людей, которые страстно желают посмотреть, но не смеют поднять глаз и отчаянно сдерживают эмоции. Настроение императора от этого стало на редкость приподнятым.

— О? Не понимаешь?

Янь Бэйсюань неторопливо выпрямился, и в его голос вернулись императорское величие и холодность — вся та лёгкая, двусмысленная нежность испарилась без следа.

— Раз генерал Ци проделал столь долгий путь сквозь пыль и ветер, стоять на коленях, должно быть, утомительно.

Его длинные пальцы указали на пустующее место рядом с драконьим тронном.

Это место находилось всего в трёх шагах от него.

— Эй, подать сиденье.

Как только эти слова слетели с губ, по залу пронёсся единый вздох изумления.

Поднялся всеобщий ропот!

Пожаловать место рядом с сыном Неба!

Что за невероятная честь! Неслыханное дело за все сто лет от основания династии!

Канцлер Ли Дэчжун и генерал Чжан Ху и вовсе едва не вытаращили глаза от удивления.

Только что император выглядел так, будто готов убить человека, почему же в мгновение ока всё превратилось в столь грандиозную милость?

И лишь сам Ци Цинцы чувствовал, как его сердце уходит в пятки.

Какая ещё милость, это же явно поджаривание его на медленном огне!

Усадить его ближе всех к тирану — разве не для того, чтобы тому было удобно в любой момент «прослушивать» его сокровенные мысли?!

Никакого права на личную жизнь!

Подарить сиденье? Скорее уж — даровать смерть!

Сесть рядом с тобой? Тогда разве не придётся вести двадцатичетырёхчасовую непрерывную трансляцию своих мысленных тирад? Боюсь, я не столько от твоих рук паду, сколько сам себя до смерти умолаю!

Нельзя ли отказаться? Я могу и на коленях постоять, у меня здоровье отменное, могу простоять на коленях до скончания веков!

— Как?

Голос Янь Бэйсюаня резко похолодал.

— Генерал Ци хочет отвергнуть даже молу милость?

Волна ледяного убийственного намерения материально воплотилась и мгновенно окутала всё тело Ци Цинцы с ног до головы.

Он ни капли не сомневался, что стоит ему произнести хоть одно «нет», как в следующую секунду его кровь брызнет на пять шагов вокруг.

— ...Этот подданный благодарит Ваше Величество за великую милость.

Ци Цинцы едва не стёр в крошечный порошок коренные зубы, прежде чем выдавил из горла эти слова.

Когда евнух в ужасе притащил мягкий табурет, и он уселся на это место, приковавшее к себе взгляды всех присутствующих, ему показалось, будто под ним не мягкая подушка, а раскалённые докрасна угли.

Его спина была вытянута по струнке, каждый мускул напряжён до предела, так и подмывало изобразить здесь и сейчас внезапную кончину на месте.

Это место попросту являлось смотровой площадкой для VIP-зрителей.

Он отчётливо видел злую ухмылку на губах Янь Бэйсюаня и ещё острее ощущал устремлённые со всех сторон взгляды, в которых смешались зависть, изумление и ядовитая злоба.

Давление было слишком велико, смотреть на императора он не смел и потому был вынужден переключить внимание, беспорядочно блуждая взглядом по толпе чиновников внизу.

Ради выживания и хотя бы небольшой компенсации за моральный ущерб взгляд Ци Цинцы вновь зацепился за канцлера Ли Дэчжуна.

У этой старой лисы лицо как палитра для красок! То синеет, то белеет. А, я же раскусил его мысли, вот он и занервничал от чувства вины.

Гляньте-ка на жениха его обожаемой внучки, этого новоиспечённого компилятора из Академии Ханьлинь, Линь Цзысюаня, кажется?

С виду приличный человек, а на поверку — гниль внутри. Линь Дэчжун ещё и собирался передать ему свои дела, да только не удержался и сам «проверил товар» вместо внучки. Тьфу, как это называется? Адресная помощь нуждающимся, и своя вода утекает только на собственную мельницу?

Возле драконьего трона движение Янь Бэйсюаня, подносявшего к губам пиалу с чаем, едва заметно замерло.

Его холодный боковой взгляд скользнул по рядам гражданских чиновников — прямо на того молодого чиновника, у которого в ту же секунду мгновенно побелело лицо и затряслось тело.

Линь Цзысюань?

Прекрасно, я запомнил.

Он бросил ещё один взгляд на дрожащего от страха Ли Дэчжуна и мысленно усмехнулся. Собственный доверенный сановник за спиной оказался вот таким грязным сбродом. Если бы не Ци Цинюэ... он и правда позволил бы себя одурачить маской преданности этого старика.

Взгляд Ци Цинюэ снова переметнулся на следующую несчастную жертву, чисто бессознательно выискивая безопасную зону.

А этот цензор Си Чжэн, вечно корчит такую кислую мин, будто все гражданские и военные чиновники задолжали ему по восемь миллионов.

Сегодня одного критикует, завтра другого, возомнил себя таким праведником морали.

Кто бы мог подумать, что вчера вечером из-за пропавшего толстого кота — нет, погодите, кажется, крупногабаритного грузовика — он ревел белугой так, что даже жена не могла его успокоить. Нежный душой суровый мужик, завязанный кошатник, с ним лучше не связываться, себе дороже.

Среди шеренг чиновников цензор Си Чжэн, славящийся при дворе своей железной беспристрастностью, резко замер.

Его вечно суровое старое лицо мгновенно побагровело до цвета печени.

Вчера он... и впрямь пролил слёзы отчаяния из-за пропажи своего любимого кота по кличке Снежок, которого растил целых десять лет.

Подобные интимные дела из глубины покоев — кто это обсуждает за спиной?!

Просто позор для человека учёного!

Слушая подобные тайные сплетни высших сановников империи, Янь Бэйсюань находил это куда более увлекательным, чем чтение самых сухих и нудных докладов.

Он обнаружил, что присутствие Ци Цинюэ рядом с ним — это не просто развлечение, это ещё и

живой справочник по чиновникам.

Позволяет попутно оценивать нравственные устои должностных лиц.

Просто два зайца одним выстрелом.

Он твёрдо решил: отныне на каждом утреннем докладе это место будет зарезервировано специально для его генерала Ци.

— Кхм.

Янь Бэйсюань прокашлялся, и в большом зале воцарилась абсолютная тишина.

Ци Цинцы вздрогнул всем телом, словно от удара молнии, мгновенно подорвался с места и, опустив голову, отозвался:

— Подданный здесь.

Опять зовёт! Опять чего-то надо! Лимит сегодняшних мысленных тирад уже исчерпан с огромным перевесом! Если продолжишь выжимать соки, придётся брать плату!

Янь Бэйсюань автоматически заблокировал его внутренние вопли и бесстрастно произнёс:

— Ланья с Северной Границы в последнее время снова и снова совершают набеги на приграничные земли, грабят и убивают местных жителей. Генерал Ци долгое время удерживал рубежи, что думает об этом?

<http://bllate.org/book/22366/2345373>